

В. А. Ш И Ш К И И

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В послевоенный период в США и Англии заметно растет интерес к истории СССР советского периода. В этих странах за последние годы вышло немало работ, посвященных как общим проблемам, так и отдельным аспектам истории СССР 1917—1941 гг. Значительное место в этих работах занимает период 1921—1925 гг., богатый сложными и многообразными событиями как в жизни Советского государства, так и в его отношениях с капиталистическим миром. Одной из важнейших проблем этого времени был переход Советского государства к новой экономической политике. Учитывая большое значение этой проблемы для всех стран, осуществляющих социалистическое строительство, некоторые буржуазные историки пытаются дать искаженную картину этого важнейшего этапа в истории нашей страны. Тенденциозный характер освещения этого вопроса имеет место и в трудах тех буржуазных историков, которые стремятся более или менее объективно разобраться в политике Коммунистической партии и Советского государства указанного периода.

Поворот от «военного коммунизма» к новой экономической политике имел громадные последствия для судеб социализма в СССР. Разработка плана построения социалистического общества и его практическое осуществление в СССР является неиссякаемой сокровищницей опыта для стран, вступивших на путь борьбы за создание нового общественного строя. Поэтому проблеме перехода к новой экономической политике и выяснению сущности этой политики посвящено значительное количество работ советских историков и экономистов.¹

В трудах В. И. Ленина, решениях ЦКПСС, обобщающих исследованиях и работах советских авторов получили глубокое и всестороннее освещение важнейшие теоретические вопросы рассматриваемой проблемы: причины перехода к НЭПу, соотношение

¹ См.: И. Б. Берхин. Некоторые вопросы историографии новой экономической политики в СССР. Вопросы истории, 1961, № 3, стр. 28—44.

НЭПа с предыдущими этапами экономической политики, его сущность как плана построения социализма в СССР и др.

После победы Октябрьской революции Советское правительство, национализировав важнейшие отрасли народного хозяйства, допускало существование капиталистического сектора и проводило экономическую политику, рассчитанную на преодоление капиталистических элементов в порядке использования товарно-денежных, рыночных отношений. Такая политика являлась единственно правильной для утверждения социализма в условиях существования в стране миллионов мелкотоварных хозяйств. Программа экономических мероприятий, необходимых для построения социализма, была изложена В. И. Лениным в его трудах «Очередные задачи Советской власти», «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности» и др., написанных весной 1918 г. Формулируя основные направления экономической политики Советского государства, В. И. Ленин исходил из анализа особенностей и закономерностей развития экономики переходного периода от капитализма к социализму и указал, что пролетариат предполагает сделать «переход к новым общественно-экономическим отношениям возможно более постепенным».² Однако гражданская война, интервенция, экономическая блокада, поставившие под угрозу само существование Советской власти, вынудили Советское правительство «к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали».³

Советское государство в целях мобилизации всех ресурсов страны на нужды обороны осуществило ряд временных чрезвычайных мер, совокупность которых известна под названием «военного коммунизма». Политика «военного коммунизма» характеризовалась почти полным вытеснением капиталистических элементов из экономики путем форсированной национализации средней и даже мелкой промышленности, продрозверсткой, прямым продуктообменом между городом и деревней, запрещением свободной торговли, всеобщей трудовой повинностью, уравнительностью в оплате труда, натурализацией хозяйственных отношений. В обстановке гражданской войны это была единственно правильная политика сосредоточения всех сил и средств для спасения Советской власти.

В. И. Ленин расценивал политику «военного коммунизма» как вынужденную, вызванную исключительно условиями военного времени: «Слишк[ом] поспеш[ий], прямоли[нейный], неподг[отовленный] „ком[муни]зм“ наш вызвался *войной* и невозможностью ни достать товары, ни пустить ф[абри]ки».⁴

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 65.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Ленинский сборник, XX, стр. 43.

«„Военный коммунизм“, — писал В. И. Ленин, — был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой».⁵ С окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству исчезли основные условия, которыми были вызваны к жизни мероприятия «военного коммунизма». Методы экономической политики 1918—1920 гг. оказались совершенно непригодными в изменившейся обстановке; сложившиеся в годы «военного коммунизма» экономические отношения между городом и деревней вызвали недовольство крестьян, мешали восстановлению народного хозяйства и строительству социализма.

По инициативе В. И. Ленина Коммунистическая партия приняла решение о переходе к новой экономической политике как единственно правильному и возможному плану построения социализма в нашей стране. Эта политика рассматривалась В. И. Лениным и партией как политика пролетарского государства, направленная на построение социализма путем использования рыночных связей между государственной промышленностью и мелкотоварным крестьянским хозяйством, путем временного и ограниченного допущения частного капитала и упорной борьбы социалистических элементов с капиталистическими за полную победу социализма над капитализмом. Главная причина перехода Советского государства к НЭПу в 1921 г. — необходимость отказа от методов экономической политики периода «военного коммунизма», непригодных в новых условиях, поскольку вместо задач вооруженной борьбы с контрреволюцией в порядке дня стали задачи восстановления хозяйства и строительства фундамента социализма.

Вместе с тем необходимо указать на преемственность новой экономической политики с той политикой, которую Советское государство начало проводить в первый период после победы Октябрьской революции: НЭП был продолжением и конкретизацией экономических мероприятий Советской власти, сорванных начавшейся войной и сопротивлением буржуазии. В резолюции одиннадцатой конференции РКП(б) прямо говорилось, что «новая экономическая политика», основные начала которой были точно определены еще во время первой «передышки», весной 1918 г., основывается на строгом учете экономических сил Советской России. «Осуществление этой политики, прерванное комбинированным нападением на рабоче-крестьянское государство контрреволюционных сил русских помещиков и буржуазии и европейского империализма, стало возможно лишь после военной ликвидации попыток контрреволюции к началу 1921 года».⁶

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 321.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. I. М., 1954, стр. 593—594.

Проблема перехода к НЭПу, существо «военного коммунизма» и новой экономической политики и связанный с этим вопрос соотношения НЭПа с предыдущими этапами экономической политики Советского государства нашли таким образом четкое и глубокое обоснование в трудах В. И. Ленина, документах Коммунистической партии Советского Союза.

Однако буржуазные историки в капиталистическом мире и, в частности, в США и Великобритании не оставляют своих попыток извратить сущность перехода к НЭПу, истолковать этот переход таким образом, чтобы им легче было осуществить фальсификацию истории строительства социализма в СССР и его основных закономерностей.

В современной буржуазной англо-американской историографии уже почти совершенно исчезло утверждение о том, что НЭП есть капитуляция Советской власти перед капитализмом, переход к постепенной реставрации буржуазного порядка в стране. Между тем это была наиболее распространенная точка зрения во всей публицистике и исторической литературе Запада в начале 20-х годов.

В 50-х и 60-х годах двадцатого столетия, когда уже построившее социализм и приступившее к строительству коммунизма Советское государство ежегодно демонстрирует перед капиталистическим миром все новые и новые примеры превосходства нашей системы, говорить о НЭПе, как начале реставрации капитализма, было бы суедей неслепостью. Правда, приводя почерпнутые из опросных листов эмигрантов высказывания о том, что НЭП был для них «золотым веком» в истории советского общества, буржуазные исследователи еще ищут об «относительном либерализме» и «некоторой свободе» в годы НЭПа, но уже далеки от того, чтобы трактовать это как постепенное вползание в милый их сердцу капитализм.

Ныне выдвигаются другие объяснения характера новой экономической политики и причины перехода Советского государства к НЭПу. Рассмотрение этой проблемы тесно увязывается большинством западных авторов с предшествующим периодом гражданской войны и интервенции. Совершенно необоснованно и преднамеренно оценивая политику «военного коммунизма» как заранее подготовленный и продуманный план непосредственного перехода к социализму, англо-американские историки на основе этой ими самими созданной концепции характеризуют НЭП как вынужденный отход большевиков от своих марксистских теоретических принципов, выдвигая самые различные причины этого явления. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Тезис о том, что «военный коммунизм» был целенаправленной политикой построения бесклассового социалистического и даже

коммунистического общества в нашей стране, является весьма характерным для большинства буржуазных авторов, касающихся этой проблемы. Так, «исследователь» всяческих оппозиционных выступлений в КПСС Р. Даниэльс утверждает, что большевики, будучи убежденными волюнтаристами, попытались ввести крайние меры для достижения социализма, но, натолкнувшись на законы общественного развития, были вынуждены «искать возврата к нормальному пути жизни».⁷ Альфред Мейер, автор широко распространенной в США книги «Ленинизм», пытается уверить читателя, что НЭП был введен после того, как некоторые цели «военного коммунизма» были «признаны нереальными».⁸ Автор одного из последних вышедших в США курсов русской истории Уолш развязно заявляет, что «Ленин был честнее», чем позднейшие «советские интерпретаторы», ибо считал «военный коммунизм» средством построения коммунистического общества в Советской России.⁹ Эта же самая «идея» в разных вариантах проводится и в целом ряде других работ.¹⁰

Во всех этих и им подобных «исследованиях» политика «военного коммунизма» почти совершенно не связывается с гражданской войной и интервенцией, т. е. как раз с теми факторами, которыми она и была вызвана. Вместо этого буржуазные авторы ищут другие причины, побудившие Советское государство ввести «военный коммунизм». Вот как рассматривает этот вопрос в книге «Россия. Прошлое и настоящее» профессор русской истории одного из американских университетов А. Мазур. Вынужденный признать тот факт, что еще в апреле 1918 г. В. И. Ленин в общих чертах наметил основные положения экономической политики Советского государства в переходный период, которые позднее были развиты и конкретизированы в НЭПе, Мазур далее пишет, что большевики «не пошли по пути, указанному Лениным», поскольку «Коммунистическая партия выступила против этих советов. Она доказывала, что любая уступка или ослабление программы социализации будут означать измену всему делу революции. Коммунистическая партия была еще не готова подчиниться новой экономической политике».¹¹

Однако наиболее аргументированное, но также и неправильное освещение этой проблемы можно встретить в шеститомной «Истории Советской России» Э. Карра. Если большинство западных

⁷ R. V. Daniels. The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960, p. 137.

⁸ A. Meyer. Leninism. N. Y., 1957, p. 209.

⁹ W. Walsh. Russia and the Soviet Union. Ann Arbor, 1958, p. 424.

¹⁰ См.: X. Joukoff-Eudin, H. Fisher, R. Johnes. Soviet Russia and the West, 1920—1927. Stanford, 1957, p. 4; T. Baily. America Faces Russia. N. Y., 1950, p. 252.

¹¹ A. G. Mazour. Russian Past and Present. London, 1951, p. 452.

авторов игнорирует тот факт, что политика «военного коммунизма» была вызвана жесточайшей гражданской войной и интервенцией, приписывая большевикам стремление экстренными мерами добиться «введения коммунизма», то Карр не отрицает влияния войны на политику Советской власти. Однако и он пытается утверждать, что политика и методы «военного коммунизма» будто бы рассматривались Коммунистической партией как средство достижения социализма форсированным, кратчайшим путем. «Война, — пишет Карр, — толкнула новый режим вперед к социализму (курсив мой, — В. Ш.), хотел он того или нет».¹² Карр изображает эту политику как эксперимент первых шагов перехода к социализму, как предвосхищение будущего. Особенно старательно он пытается извратить позицию В. И. Ленина в этом вопросе. По его мнению, «Ленин не был полностью убежден в своей оценке движущих сил „военного коммунизма“».¹³ Карр, выхватывая отдельные места из произведений и выступлений В. И. Ленина, пытается доказать, что Ленин, якобы, двойственно оценивал «военный коммунизм», в одном случае характеризуя его как целенаправленную политику создания экономических отношений социалистического общества, в другом — как политику, продиктованную не экономическими, а военными потребностями, условиями и трудностями. В поддержку этого утверждения Карр ссылается на выступление В. И. Ленина на X съезде РКП(б), где говорится следующее: «Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделывать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазер. И — нечего греха таить — таких фантазеров в нашей среде было немало».¹⁴

Утверждения Карра никак не совпадают с действительной оценкой В. И. Лениным «военного коммунизма». Если некоторая часть советских работников и ошибалась в отношении сущности «военного коммунизма», полагая, что с его помощью можно перескочить в социализм, то позиция В. И. Ленина была всегда совершенно определенной. В его работах нет даже намека на какую-либо программу экстраординарных мер переделывания экономики России и достижения социализма без достаточно продолжительного переходного периода. И, напротив, любое из выступлений В. И. Ленина, связанное с характеристикой «военного коммунизма», неопровержимо свидетельствует о том, что мероприятия этого времени в области экономики и политики диктовались исключительно обстановкой, обусловленной войной,

¹² E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, vol. II. London, 1951, p. 270.

¹³ Там же, стр. 275.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 193.

блокадой и интервенцией. В. И. Ленин неоднократно отмечал, что такие элементы политики «военного коммунизма», как продразверстка, запрещение свободной торговли, прямой продуктообмен, национализация всей средней и мелкой промышленности, были в то время мерой, необходимой в условиях громадного обострения классовой борьбы для спасения революции.¹⁵

Оценивая в целом политику «военного коммунизма», В. И. Ленин совершенно ясно характеризовал ее как систему мероприятий, которая создавалась и диктовалась «потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими».¹⁶ Отмечая оправданность такой политики для периода военного времени, В. И. Ленин в то же время указывал, что она отнюдь не была политикой прямого перехода к коммунизму, поскольку ни экономика, ни производственные отношения страны не созрели для такого перехода.¹⁷

Сама история Советского государства в период, предшествовавший НЭПу, начисто опровергает домыслы буржуазных историков. Известно, что до начала гражданской войны в области промышленности были национализированы только крупные предприятия. В апреле 1918 г. В. И. Ленин высказался за приостановку «красногвардейской атаки на капитал» и сосредоточение всей работы партии и государства на наиболее целесообразном управлении промышленностью, введении всестороннего учета и контроля, привлечении к работе буржуазных специалистов и т. д. И только начавшаяся гражданская война и бешеное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов заставили Советское государство предпринять меры, которые пресекли бы любые попытки буржуазии использовать свои экономические позиции в контрреволюционных целях. Постепенно и главным образом под влиянием разгоравшейся гражданской войны пролетарское государство было вынуждено *форсированными методами* национализировать сначала среднюю, а затем и мелкую промышленность. И лишь к концу 1920 г. была завершена национализация всей промышленности.¹⁸

Столь же показательна продовольственная политика Советской власти. Продовольственные декреты лета 1918 г. учитывали факт наличия свободной рыночной торговли сельскохозяйственными продуктами. В декрете ВЦИК от 27 мая 1918 г. говорилось, что «частная торговля предметами первой необходимости может быть

¹⁵ Там же, т. 27, стр. 507; т. 29, стр. 58; т. 30, стр. 203—204; т. 31, стр. 307—310; т. 33, стр. 86.

¹⁶ Там же, т. 32, стр. 210.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ), 1920, № 93, стр. 512.

допущена» под контролем и в соответствии с распоряжениями местных и центральных продорганов.¹⁹

Так, например, совещание московского губисполкома 11 сентября 1918 г. обсуждало вопрос об установлении закупочных цен на картофель, который, согласно распоряжению Наркомпрода, продавался по вольным ценам.²⁰ Даже в обстановке уже крайне острой гражданской войны и начавшейся интервенции Советское правительство принимает декрет от 30 октября 1918 г. «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов».²¹ Лишь дальнейшее развертывание гражданской войны вынудило перейти уже в 1919 г. к продрозверстке и резкому сокращению свободной торговли. Все это показывает вынужденный, чрезвычайный и временный характер мер «военного коммунизма».

* *
*

Как же оцениваются англо-американскими историками новая экономическая политика, которая пришла на смену политике «военного коммунизма», и причины, обусловившие этот переход?

Обратимся опять к работе Карра. Усмотрев «двойственность» в оценке В. И. Лениным политики «военного коммунизма», Карр делает из этого вывод, что и новая экономическая политика оценивается В. И. Лениным противоречиво. Раз, — рассуждает Карр, — «военный коммунизм» был прямым планом построения социализма, значит НЭП есть отступление от этого плана, от принципов марксизма, есть политика, которая так или иначе сворачивает в сторону от столбовой дороги к коммунизму. Но если, — рассуждает Карр, — «военный коммунизм» диктовался исключительно войной и не был планом построения социализма, значит НЭП был возвращением Советского государства к исходным позициям, к той политике, которая была провозглашена весной 1918 г. Обе точки зрения, по словам Карра, нашли, якобы, свое отражение в выступлениях В. И. Ленина.²²

Пытаясь сохранить видимость беспристрастного исследователя, Карр вместе с тем всем своим изложением и подачей материала стремится убедить читателя в том, что новая экономическая политика была вынужденным, нежелательным для Советского

¹⁹ СУ, 1918, № 38, стр. 498.

²⁰ Советы в эпоху «военного коммунизма». Сб. документов, ч. II, М., 1929, стр. 287—288.

²¹ Подробнее см.: Э. Б. Генкина. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922 гг.). М., 1954, стр. 19.

²² E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, p. 275—276.

государства отступлением от прямого пути к социализму, каковым будто бы являлся «военный коммунизм». Остановимся подробнее на точке зрения и системе доказательств Э. Карра.

Довод первый. Поскольку В. И. Ленин в ряде своих работ характеризовал НЭП как «отступление»,²³ следовательно, новая экономическая политика была отступлением от прямого пути к социализму, «временным злом», которое нужно было преодолеть настолько быстро, насколько это было возможно.²⁴ В феврале 1922 г. В. И. Ленин возвестил, что «отступление» окончено, но «это заявление, — пишет Карр, — не имело непосредственного влияния на политику». Он пытается представить его как пропагандистский прием с целью «укрепить колеблющиеся настроения внутри партии» и усилить позиции СССР накануне Генуэзской конференции.²⁵ На самом деле, — безапелляционно заявляет Карр, — отступление продолжалось и дальше.

Довод второй. «Эти колебания и противоречия (в оценке НЭПа, — В. III.) партии и самого Ленина, — утверждает Карр, — отражали постоянную двойственность целей, которые они преследовали, — необходимость любой ценой создать работоспособную экономику путем соглашения с крестьянством и стремление достичь долгожданного перехода к социалистическому порядку, которое могло быть осуществлено только путем радикального изменения крестьянской экономики».²⁶ Здесь Карр, таким образом, противопоставляет переход к социализму установлению правильных экономических отношений с крестьянством. По его мнению, это несовместимые или взаимоисключающие друг друга понятия: или прямой переход к социализму, или задержка, вызванная капитуляцией перед крестьянством ради налаживания экономических взаимосвязей между городом и деревней. «Военный коммунизм», следовательно, был таким прямым переходом, а НЭП был отступлением от него, был «крестьянским Брестом», по цитируемому Карром определению Рязанова.²⁷ Далее Карр приводит многочисленные выдержки из произведений В. И. Ленина о союзе рабочего класса с крестьянством, о необходимости соглашения с крестьянством,²⁸ которые призваны подтвердить выдвигаемый им тезис о том, что политика партии по отношению к крестьянству не исходила из теоретических установок

²³ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 406; т. 33, стр. 38—39, 40—42.

²⁴ E. H. Carr, *The Bolshevik Revolution*, p. 276—277.

²⁵ Там же, стр. 277.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1921, стр. 255. E. H. Carr, *The Bolshevik Revolution*, p. 278.

²⁸ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 191—192, 396, 460, 466; т. 33, стр. 238—239.

марксизма-ленинизма, а была конъюнктурной, диктовалась обстановкой и невозможностью прямого перехода к социализму.²⁹ Таким образом, Карр подводит читателя к выводу, что НЭП — вынужденный отход от прямого пути к социализму из-за невозможности сломить сопротивление крестьян и переделать крестьянскую экономику. Будь налицо такая возможность, — утверждает Карр, — большевики продолжали бы политику «военного коммунизма».

Довод третий. Карр переходит далее к «теоретическому» объяснению причин перехода Советского государства к новой экономической политике. В основе его рассуждения стоит тезис, согласно которому Россия характеризуется как крестьянская страна, «которая миновала стадию буржуазной демократии и промышленного капитализма» (?).³⁰ В силу этого, рассуждает Карр, для такой страны возможны два пути перехода к социализму: прямой (в случае победы мировой революции и помощи со стороны международного пролетариата) и длительный переходный период соглашений с крестьянством (если мировая революция потерпит поражение). По-видимому, первый путь, по Карру, предполагает насильственную коллективизацию или экспроприацию крестьянства при содействии пролетариата развитых стран, хотя автор не говорит об этом прямо. Все это рассуждение Карр, между прочим, приписывает В. И. Ленину. Карр считает далее, как и ряд других авторов (например, Фейнсода),³¹ что «военный коммунизм» был политикой, которая делала ставку на мировую революцию и потому форсировала «введение социализма». Когда же «высокие надежды лета 1920 года» не сбылись, пришлось избрать другой путь построения социализма и отступить, что и привело, по мнению Карра, к новой экономической политике.³² Три года спустя, замечает Карр, когда первый путь перехода к социализму стал еще менее перспективным, «Ленинское учение о НЭПе как верном пути к социализму было оценено как основа доктрины построения социализма в одной стране».³³

Таковы в общих чертах рассуждения Карра о характере новой экономической политики и причинах перехода к ней. Однако все это глубокомысленное построение автора объемистой «Истории Советской России» не выдерживает критики при сопоставлении с фактами. Разберем доводы Карра в той последовательности, в какой он их излагает.

²⁹ E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, p. 278—279.

³⁰ Там же, стр. 277.

³¹ M. Fainso d. How Russia is Ruled. Cambridge, 1958, p. 98.

³² E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, p. 277—279.

³³ Там же, стр. 279.

Действительно, В. И. Ленин неоднократно говорил о необходимости «отступления», о допущенных «ошибках», о «нерегруппировке» сил и т. д., призывая партию и государство приступить к планомерному строительству социализма на рельсах новой экономической политики. Но В. И. Ленин понимал «отступление» первого периода НЭПа лишь в смысле уступок, которые Советское государство делало частному капиталу и прежде всего мелкобуржуазным слоям города и деревни, или как отступление от непригодных в новой обстановке методов «военного коммунизма», а отнюдь не как отступление от плана непосредственного строительства социализма к какому-то новому плану.³⁴ В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что наличие «командных высот» в руках Советского государства даже при допущении определенных уступок буржуазным элементам обеспечивает все необходимое и достаточное для постепенного перехода к социализму. В. И. Ленин заметил однажды, что если бы буржуазия согласилась на сотрудничество с Советской властью в области экономики сразу же после Октября, она имела бы в пять раз больше, чем в начале НЭПа.³⁵ Этим он хотел сказать, что Советское государство могло идти и на значительно большие уступки частному капиталу, не отказываясь от своей основной цели — построения социализма. В этом — смысл ленинского понимания «отступления».

Далее, характеризуя новую экономическую политику, В. И. Ленин указывал, что по сути дела «в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике».³⁶ Он отмечал, что уже с весны 1918 г. Советское государство сделало попытку «осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки».³⁷ В работе «Очередные задачи Советской власти» и других работах В. И. Ленина этого периода были намечены почти все основные положения будущей новой экономической политики. В то же время вся практическая экономическая политика Советского государства до начала гражданской войны учитывала допущение частного капитала в различных формах, свободной рыночной торговли, распоряжение крестьянством частью своего дохода, т. е. как раз основных элементов экономической жизни, получивших позднее четкие формы в распоряжениях и законодательстве восстановительного периода.

Новая экономическая политика была в известной мере отступлением (в смысле уступок мелкобуржуазным и буржуазным эле-

³⁴ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 194.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 39.

³⁷ Там же, стр. 67.

ментам) на исходные рубежи 1918 г. и отступлением от методов «военного коммунизма», а не отказом от «провалившегося плана» непосредственного построения социалистического общества и переходом ко «второму» плану, как это пытаются представить Карр и другие буржуазные авторы.

К этому следует добавить, что подчеркивание В. И. Лениным в ряде его работ необходимости «отступления», акцентирование внимания на «допущенных ошибках» и т. д., которые столь часто цитируются и столь превратно толкуются западными авторами, объяснялось им самим жизненно важной потребностью — скорее осуществить крутой и для многих тогда непонятный переход к НЭПу, скорее добиться от советских и партийных руководителей отказа от методов работы, которые стали привычными и были правильными для военного времени, но не годились для новой обстановки. Именно это и заставляло В. И. Ленина вновь и вновь поднимать вопрос об «отступлении».³⁸

Второй довод Карра, который сводится к противопоставлению строительства социализма взаимоотношениям партии и рабочего класса с крестьянством, также является целиком и полностью надуманным.

В работах В. И. Ленина содержатся десятки указаний относительно необходимости достаточно длительного переходного периода от капитализма к социализму именно для того, чтобы постепенно приобщить крестьян к коллективной форме хозяйствования. В. И. Ленин не мыслил себе переход России к социализму без помощи крестьянства, путем каких-либо принудительных мер в отношении беднейшего и среднего крестьянства или тем более ликвидации крестьянства как класса. Еще накануне Октябрьской революции в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленин указывал, что представители буржуазии постоянно пугают мелких и средних крестьян, будто большевики хотят их «экспроприровать». Называя эти грязные измышления «заведомо лживыми», В. И. Ленин писал, что «социалисты даже при полном социалистическом перевороте экспроприровать мелких крестьян не хотят, не могут и не будут».³⁹ В решениях партии и правительства указывалось на необходимость проявлять максимум внимания, уступчивости в отношении крестьянства, чтобы обеспечить переход крестьян к общественному землевладению, а следовательно, и к социализму исключительно добровольным путем. После победы Октябрьской революции Советская власть на деле осуществила свои программные установки в отношении крестьянства, передав землю тем, кто ее обрабатывает, и уничтожив власть

³⁸ Там же, стр. 79—80.

³⁹ Там же, т. 25, стр. 349.

помещика в деревне. И в новых условиях В. И. Ленин предлагал проявить максимум внимания и уступчивости к крестьянам. «... рабочие, — писал В. И. Ленин в 1917 г., — *обязаны согласиться* на переходные меры, предлагаемые мелкими трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами, если эти меры *не вредят* делу социализма».⁴⁰ В числе этих мер В. И. Ленин называл уравнильное землепользование, организацию обмена промышленных товаров на продукты сельского хозяйства через куплю-продажу, повышение закупочных цен на них и т. д. В невероятно тяжелых условиях гражданской войны В. И. Ленин неоднократно предостерегал от увлечения созданием скороспелых коммун, пока крестьяне не убедились на собственном опыте в их преимуществе перед индивидуальным хозяйством, признавал необходимость возместить крестьянам промышленными товарами ту продукцию, которая была взята по разверстке.⁴¹

Именно в этот период VIII съезд партии по докладу В. И. Ленина принял резолюцию о переходе к политике прочного союза со средним крестьянством при опоре на бедноту для успешной борьбы с классовыми врагами и последующего строительства социализма. Союз рабочего класса с крестьянством в годы гражданской войны выражался в форме военно-политического союза. Экономическая основа его состояла в том, что крестьяне получали от Советской власти землю и защиту от белогвардейцев и интервентов, а Советская власть от крестьян — продукты по разверстке, необходимые для фронта и работы промышленности в городах. Как только война закончилась, создались условия для иных форм отношений между рабочим классом и крестьянством. Указание западных авторов на продразверстку как социалистический принцип отношения рабочего класса с крестьянством от начала до конца является грубой фальсификацией истории Советской России. Введение продразверстки было временной мерой, обусловленной ожесточенной классовой борьбой, голодом и интервенцией. «Разверстка не „идеал“, — писал В. И. Ленин, — а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд — опасная ошибка».⁴² Отмена продразверстки и замена ее натуральным налогом как первый шаг НЭПа явилась, следовательно, логическим продолжением политики партии в крестьянском вопросе, а не конъюнктурной мерой, вызванной, как это утверждают Карр и другие буржуазные авторы, — «опасностью крестьянской войны». Все и всяческие досужие рассуждения о конъюнктурности в отношении к крестьянству, о «крестьянском Бресте» как вы-

⁴⁰ Там же, т. 26, стр. 299.

⁴¹ Там же, т. 30, стр. 311, 352, 374, 407; т. 31, стр. 309—313.

⁴² Там же, т. 32, стр. 301.

пужденном согласии Советского государства на уступки крестьянам в годы НЭПа не имеют под собой никакой почвы.

В. И. Ленин совершенно определенно указывал, что в переходный от капитализма к социализму период мелких и средних крестьян *нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой.⁴³ Это важнейшее положение ленинизма стало основой политики партии по крестьянскому вопросу и исходной точкой грандиозного кооперативного плана. Вымыслы буржуазных «исследователей» о внезапном и выпужденном переходе Советского государства к «новому» плану построения социализма в результате краха якобы истинно-марксистской политики нажима на крестьянство являются совершенно бездоказательными. Вопрос о построении социализма в нашей стране никогда не ставился в противовес вопросу об отношении к крестьянству. Построение социализма в Советской России всегда мыслилось не как система мероприятий, направленных вразрез с интересами крестьянства, а как великая созидательная работа, как борьба двух классов — союзников за лучшее будущее всего народа. Именно это и пытаются поставить под сомнение буржуазные авторы, вкривь и вкось цитируя произведения В. И. Ленина.

Третий довод Карра сводится к попытке наметить для России какие-то два пути перехода к социализму (прямой и косвенный): с учетом или без учета социалистической революции в других странах. Опирается это утверждение на выдержку из доклада В. И. Ленина о заеме разверстки натуральным налогом на X съезде партии. Однако сказанное В. И. Лениным не только не подкрепляет рассуждений Карра, но полностью их опровергает. Во-первых, что касается России, то В. И. Ленин совершенно определенно говорит, что для нее путь к социализму немислим без переходного периода: «Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер...».⁴⁴ Словечко «лишь» уже не может оставлять сомнений по поводу точки зрения В. И. Ленина по этому вопросу.

Во-вторых, Карр сознательно смешивает два совершенно разных вопроса. Свое утверждение о путях перехода к социализму он пытается обосновать высказыванием В. И. Ленина о двух условиях *«окончательного успеха»* (курсив мой, — В. Ш.) социалистической революции. Действительно, В. И. Ленин говорил

⁴³ Там же, т. 31, стр. 27.

⁴⁴ Там же, т. 32, стр. 191.

о том, что для окончательной победы социалистической революции необходимы два условия: союз с крестьянством и победа революции в одной или нескольких развитых капиталистических странах. Под окончательной победой, точнее «окончательным успехом», В. И. Ленин понимал не что иное, как устранение опасности новой интервенции со стороны капиталистических стран и, следовательно, опасности буржуазной реставрации. Однако ни в одной из работ В. И. Ленина нет даже намека на какое-либо утверждение, что социалистическая революция в мировом масштабе позволит немедленно перейти к социалистическим отношениям в России, к моментальному переводу всех крестьян на коллективные начала в земледелии. Более того, в тезисах и выступлениях В. И. Ленина на III конгрессе Коминтерна содержится ясная мысль, что почти всем развитым капиталистическим странам придется пройти более или менее длительный переходный период, который связан с наличием высокой прослойки мелкобуржуазных элементов города и деревни. «Эта задача, — писал В. И. Ленин о необходимости продолжительных переходных мер, — принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами, — может быть, за исключением одной только Англии».⁴⁵ Однако и для Англии В. И. Ленин не исключал возможности длительного переходного периода, объясняя это высоким процентом мелкобуржуазных элементов города в составе населения. Любому добросовестному читателю, таким образом, очевидно, что рассуждения Карра никак не вяжутся с позицией В. И. Ленина в этом вопросе. В самом деле, как мировая революция могла устранить переходный период в России, если всем капиталистическим странам после победы пролетарской революции были необходимы достаточно продолжительные переходные меры?

История полностью подтвердила предвидение В. И. Ленина о необходимости переходного периода от капитализма к социализму на примере стран народной демократии Европы и Азии. Хотя они были гарантированы от нашествия извне благодаря поддержке Советского Союза и, несмотря на то, что революция победила в этих странах в условиях наличия мощного социалистического государства, они также прошли (а некоторые еще и теперь проходят) длительный путь переходных мер, связанных главным образом с кооперированием крестьянства. Следовательно, утверждение Карра о прямом и косвенном путях построения социализма в СССР в зависимости от мировой революции является от начала до конца надуманным и не имеющим ничего общего с действительностью.

⁴⁵ Там же, стр. 431—432.

Если Карр все же пытается привести какие-то доводы в пользу своих пространных рассуждений, то большинство англо-американских буржуазных исследователей восстановительного периода или авторов общих работ по истории СССР предпочитают высказывать ничем не подкрепляемые формулы, долженствующие объяснить характер НЭПа, и предлагают первые попавшиеся «причины» его появления. Так, уже упоминавшийся Уолш считает, что НЭП не был ни планом построения социализма, ни отступлением от него. «НЭП был, — разглагольствует Уолш, — не чем-то единым, а многообразным». Пытаясь разъяснить свою туманную фразу, Уолш сводит НЭП просто-напросто к некоей политико-экономической стихии, куда без руля и без ветрил был ввергнут советский государственный корабль. «НЭП был азартной игрой, — пишет Уолш, — в которой ставкой было существование ленинского режима».⁴⁶

У некоторых авторов понятие НЭПа сводится к особенностям «хитроумной» стратегии и тактики большевистской партии. По свидетельству Фейнсода, например, оказывается, что большевики руководствуются определенной стратегией, «к которой они вновь и вновь обращаются в моменты крайнего кризиса».⁴⁷ Характеристика этой стратегии Фейнсодом в общем сводится к отождествлению ее с политикой «кнута и пряника». Дескать, ввиду опасности со стороны крестьян большевики переходят к репрессиям против тех людей, которые «отражали их интересы» (меньшевики и эсеры, — *В. Ш.*), проводят чистку партии от лиц, «отражавших настроение рабочих» («децисты», «рабочая оппозиция», — *В. Ш.*), и одновременно партия делает попытку «успокоить массовое недовольство посредством серии мероприятий, которые в комплексе известны как НЭП».⁴⁸ Не правда ли, до чего «логично» и просто! Г. Вернадский живописует эту политику как некий беспринципный компромисс, достигнутый «пусть даже ценою временного отказа от своих планов», чтобы «остаться хозяином положения».⁴⁹ «Знарок» аграрных отношений американец Лейрд называет НЭП политикой «затычки, которая была необходима, чтобы избежать кризиса в данный момент»⁵⁰ и т. д. и т. п.

Наряду с подобными объяснениями сущности НЭПа в работах англо-американских историков сплошь и рядом встречаются столь же «научные» обоснования причин введения повои экономической политики. Наибольшее хождение в современной буржуаз-

⁴⁶ W. Walsh. *Russia and the Soviet Union*, p. 424—425.

⁴⁷ M. Fainsood. *How Russia is Ruled*, p. 97.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ G. Vernadsky. *A History of Russia*. London, 1954, p. 323.

⁵⁰ R. D. Laird. *Collective Farming in Russia. A Political Study of the Soviet Kolkhozy*. Kansas, 1958, p. 24.

ной литературе приобрели две версии. Первая объявляет главной причиной введения НЭПа кронштадтский мятеж. По свидетельству Карра, большинство западных историков считает это событие решающим фактором, обусловившим введение новой экономической политики. (Сам Карр не согласен с этим утверждением).⁵¹ Действительно, в таких работах, как 4-й том «Истории социалистической мысли» Коула, «Россия после 1917 г.» Ф. Шумана, книге Сетона-Уотсона «От Ленина до Хрущева», в монографиях И. Дейчера «Сталин. Политическая биография» и «Советские профсоюзы», в «Курсе русской истории» американского профессора Рена и многих других — переход к новой экономической политике объясняется почти исключительно кронштадтским мятежом.⁵²

Так, Рен, например, утверждал, что «кронштадтское восстание, которое по существу было выражением недовольства крестьян, убедило Ленина, что военный коммунизм не следует проводить дальше».⁵³ «Реформа (НЭП, — В. III.), — вторит ему Дейчер, — была проведена под влиянием кронштадтского восстания без каких-либо предварительных дебатов».⁵⁴ В другой своей работе Дейчер высказывается еще откровеннее: «Восстание еще не было подавлено, — пишет он, — когда 15 марта Ленин внес X съезду партии предложение о НЭПе. Безмолвно, с тяжелым сердцем большевики расставались со своими мечтами „военного коммунизма“».⁵⁵ Фридерик Шуман, очевидно, настолько увлечен этой «идеей», что даже сознательно или бессознательно «затягивает» открытие X съезда до 21 марта, приурочивая начало его работы ко времени окончания мятежа. (Хотя, как известно, съезд проходил с 8 по 16 марта 1921 г.)⁵⁶

Явная фальсификация в одних случаях или столь же явная невежественность или небрежность в других — только так можно объяснить стремление ряда авторов на Западе «вывести» НЭП из кронштадтского мятежа.

Несомненно, что крестьянские волнения в ряде областей страны и кронштадтский мятеж, в определенной мере свидетель-

⁵¹ См.: E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, p. 272.

⁵² См.: G. D. H. Cole. Communism and Social Democracy, 1914—1931. London, 1958, p. 703; F. Schuman. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. N. Y., 1957, p. 130—131; H. Seton-Watson. From Lenin to Khrushchev. N. Y., 1960, p. 78; J. Deutscher. Stalin. Political Biography. London, 1950, p. 221—222; Soviet Trade Unions, London—N. Y., 1950, p. 53; M. Wren. The Course of Russian History. N. Y., 1958, p. 597.

⁵³ M. Wren. The Course of Russian History, p. 597.

⁵⁴ J. Deutscher. Stalin, p. 222.

⁵⁵ J. Deutscher. The Prophet Armed. Trotsky, 1879—1921. London, 1954, p. 514.

⁵⁶ F. Schuman. Russia since 1917, p. 130—131.

ствовавшие о непригодности методов «военного коммунизма» в новых условиях, способствовали более энергичному и быстрому повороту к НЭПу. Однако это отнюдь не означает, что ПЭП как план перехода от капитализма к социализму в СССР обязан своим появлением мятежу в Кронштадте. Обращение к работам В. И. Ленина убеждает, что основы новой экономической политики и, в частности, положение о замене разверстки налогом, были выработаны еще до начала кронштадтских событий.

15 октября 1920 г. в речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских Исполкомов Московской губернии В. И. Ленин, отмечая разоренность крестьянского хозяйства вследствие войны, говорил о необходимости заменить разверстку правильным обменом между городом и деревней. «Перед нами стоит теперь громадное поприще производительной работы, и мы должны направить все наши силы к тому, чтобы восстановить промышленность, дать одежду, обувь и продукты крестьянину, начав тем самым правильный обмен деревенского хлеба на городские продукты. Мы должны начать оказывать помощь сельскому хозяйству». ⁵⁷ Признавая продразверстку непомерно тяжелой, В. И. Ленин заверил председателей Исполкомов, что рабоче-крестьянское правительство отнесется с величайшим вниманием к их мнению и предложениям, «потому что нужно искать выхода, как облегчить неслыханно трудное положение». ⁵⁸

Но продолжавшиеся бои на врагелевском фронте не позволили в то время радикально изменить продовольственную политику Советской власти. В конце ноября 1920 г. В. И. Ленин вновь ставит вопрос о необходимости на предстоящем VIII съезде Советов выработать «целую систему, обдуманый ряд мер для того, чтобы крестьянское хозяйство, которое будет существовать еще довольно долго, поднять на должную высоту». ⁵⁹ В этот же период В. И. Ленин в ряде документов отмечает возможность сохранения денежного обращения и замены разверстки натуральным налогом. ⁶⁰ На VIII съезде Советов был принят декрет «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», а несколько позднее — декрет «О комитетах по укреплению и развитию крестьянского хозяйства», которые хотя еще и не содержали указания о замене разверстки налогом, но свидетельствовали о поисках новых методов подхода к индивидуальному крестьянскому хозяйству. ⁶¹

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 307.

⁵⁸ Там же, стр. 311.

⁵⁹ Там же, стр. 391—392.

⁶⁰ Ленинский сборник, XXXIV, стр. 383—384; Подробнее см.: Э. Б. Генкина. Переход Советского государства..., стр. 67—68.

⁶¹ Э. Б. Генкина. Переход Советского государства..., стр. 69—70.

4 февраля 1921 г. в речи на московской конференции металлистов В. И. Ленин сказал, что Советское правительство приостанавливает разверстку в 13 губерниях и предполагает пересмотреть политику по отношению к крестьянству.⁶² Наконец, 8 февраля 1921 г. В. И. Ленин пишет «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», где в 4 пунктах впервые формулирует положение о замене разверстки натуральным налогом и свободе использования излишков крестьянского производства. Этот документ и явился первой конкретной программой будущей новой экономической политики.⁶³ 16 февраля 1921 г. Политбюро ЦК решило начать дискуссию о замене разверстки налогом, 24 февраля пленум ЦК одобрил проект резолюции по этому вопросу. 28 февраля 1921 г. В. И. Ленин официально заявил на пленуме Моссовета о том, что предстоящий съезд вынесет решение, «которое удовлетворит беспартийного крестьянина, удовлетворит и широкие массы». В этот же день, беседуя с крестьянскими депутатами И. А. Чекуновым и Н. А. Гапьявиным, В. И. Ленин сообщил им о скорой замене хлебной разверстки натуральным налогом с тем, чтобы процент хлеба, идущий государству, был строго определенным.⁶⁴ В тот же день начались волнения в Кронштадте.

Таковы факты, которые говорят о том, что основные положения новой экономической политики были выработаны до начала кронштадтского мятежа. Попытка буржуазных авторов связать эти два вопроса свидетельствует лишь об их стремлении извратить исторические факты, представить новую экономическую политику как уступку, вырванную «революционным пародом» у Советской власти. Они выдают себя с головой восторженными характеристиками, расточающимися в их работах кронштадтскому восстанию.

Кронштадтский мятеж является одним из тех событий в жизни Советского государства, которое до сих пор привлекает внимание многих историков за рубежом. В последнее время регулярно появляются все новые и новые статьи и даже книги, посвященные этому сюжету, или переиздаются старые.⁶⁵ Смысл их состоит в том, чтобы представить мятежников истинными революционерами,

⁶² В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 89.

⁶³ Там же, стр. 111.

⁶⁴ Там же, стр. 133; Ленинский сборник, XXXVI, стр. 201—202; Беднота, 3 марта 1921 г.

⁶⁵ См., например: R. V. Daniels. The Kronstadt Revolt 1921: A Study in the Dynamics of Revolution. American Slavic and East European Review, Dec., 1951; V. M. Voline. The Unknown Revolution (Kronstadt, 1921, Ukraine, 1918—1921). N. Y., 1955; Soviet affairs, 1958, № 2, London; E. Pollak. The Kronstadt Rebellion. (The First Armed Revolt against Soviet). N. Y., 1959.

боровшимися за интересы народа, а советский строй — «новой тиранией». Так, книга Э. Поллака «Кронштадтское восстание (Первое вооруженное выступление против Советов)», изданная в Нью-Йорке в 1959 г., рекомендуется читателям как работа, которая «сильна своей критикой коммунистического режима».⁶⁶

Вопреки фактам буржуазные авторы утверждают, что мятежниками стали «красные герои Октябрьского восстания», что движущей силой мятежа были «разочарованные большевики и небольшевики», «разочарованные революционеры», «краса и гордость революции» и т. д. и т. п. Мятеж в Кронштадте трактуется как «конфликт между пролетарской диктатурой и пролетарской революцией», во время которого советский строй был якобы «изолированным, не имеющим поддержки народных масс». Положение, по свидетельству западных авторов, было настолько катастрофическим, что большевики, не надеясь на армию, послали на подавление крепости «чекистов» и «курсантов».⁶⁷

Вместе с тем всячески затушевывается вопрос о помощи кронштадтским мятежникам со стороны эсеров, начисто отрицается участие в мятеже белогвардейских элементов. Все эти подтасовки направлены на то, чтобы контрреволюционный мятеж изобразить как истинно пролетарскую революцию. Этот же старый испытанный прием превращения черного в белое широко использовался буржуазной пропагандой в связи с событиями в Венгрии осенью 1956 г. На деле же кронштадтский мятеж явился результатом политических колебаний мелкобуржуазных элементов, которые были использованы в борьбе с Советской властью монархическим и эсеро-меньшевистским подпольем Кронштадта. Касаясь причин мятежа, К. Е. Ворошилов особо отмечает качественное изменение личного состава Балтийского флота за годы революции и войны. «За три года гражданской войны, — пишет К. Е. Ворошилов, — на многочисленные фронты Республики с кораблей флота было направлено более 40 тыс. матросов — весь цвет революционного Кронштадта. Только за один 1920 г. для борьбы с Врангелем и на польский фронт ушло более 12 тыс. матросов-добровольцев. Вместе с рядовыми бойцами уходили лучшие политработники и командиры. На смену этому истинно революционному, закаленному в битвах составу пришло пополнение из крестьянских и мелкобуржуазных городских масс, не участвовавшее в революции. Кроме того, по оплошности командования на корабли попало много и явно чуждых нам элементов. Сюда проникали ярые мо-

⁶⁶ The Slavic and East European Journal, 1960, № 1, vol. IV (XVIII), p. 15.

⁶⁷ F. Schuman. Russia since 1917, p. 130; J. Deutscher. Soviet Trade Unions, p. 53; A. Meyer. Leninism, p. 209; R. V. Daniels. The Conscience of the Revolution. . . , p. 143—145.

нархисты, эсеры, меньшевики, что и сделало Кронштадт удобным местом для организации контрреволюционного мятежа». ⁶⁸

Контрреволюционный мятеж не имел ничего общего с выступлением «разочарованных революционеров», как это пытаются представить некоторые фальсификаторы истории, озабоченные тем, чтобы реабилитировать мятежников, а заодно «объяснить» введение НЭПа как уступку Советской власти «революционному народу».

Вторая версия объясняет введение НЭПа катастрофическим положением народного хозяйства России, сложившимся якобы целиком и полностью вследствие негодных методов управления периода «военного коммунизма». «Спасая экономику в 1921 г., — читаем в коллективном труде американских историков «Советская мощь и советская политика», — Ленин ввел НЭП». ⁶⁹ Но тут же утверждается, что экономику Советской России к упадку привели «крайняя национализация и экономическая централизация», которую проводила Советская власть. ⁷⁰ То же самое находим в широко распространенной работе Л. Фишера о внешней политике СССР за первое десятилетие. «Все эти крайние меры, — пишет Фишер, — довели до обнищания страну и вызвали экономический хаос и политическое недовольство». ⁷¹ Обобщающая работа «История Европы XX века» американских ученых Блэка и Хелмрича, выпущенная в 1959 г. в Нью-Йорке, утверждает, что разруха в экономике явилась «результатом экспериментов „военного коммунизма“». ⁷² В той или иной степени эту точку зрения с оговорками или без оговорок разделяют Рен, Вернадский и другие историки США и Англии.

Здесь опять-таки, как и в других случаях, желаемое выдается за действительное. Наличие разрухи и воздействия этого фактора на переход к НЭПу несомненны. Однако не меры «военного коммунизма», вызванные войной, а прежде всего сама развязанная мировой буржуазией война — сначала империалистическая, а затем гражданская, сопровождавшаяся чрезмерным напряжением всех отраслей хозяйства, отрывом от производительного труда миллионов людей, разорением и опустошением громадных областей страны, ставших ареной кровопролитных боев, — привела к упаду экономики страны. Буржуазные авторы, пытаясь объяс-

⁶⁸ К. Е. Ворошилов. Из истории Кронштадтского мятежа. Военно-исторический журнал, 1961, № 3, стр. 16.

⁶⁹ Soviet Power and Policy. N. Y., 1955, p. 81.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ L. Fischer. The Soviets in World Affairs, vol. I. Princeton, 1951, p. 298.

⁷² C. Black and E. Helmreich. Twentieth Century Europe. A History. N. Y., 1959, p. 200.

нить причину введения НЭПа хозяйственной политикой большевиков в предшествующий период, умалчивают о колоссальном ущербе, который был нанесен русской экономике интервенцией и белогвардейскими армиями, субсидировавшимися западными державами. Эта сторона вопроса совершенно выпадает из поля зрения «объективных исследователей», которые в других местах проявляют недюжинную эрудицию и стремление к фактическому обоснованию своих положений. А между тем, по подсчетам Госплана ущерб, причиненный действиями интервентов и белогвардейцев народному хозяйству России, составил 12 213 160 тыс. золотых рублей. Причем в эту сумму включены лишь те убытки, подсчет которых основан на официальных документах и статистических материалах. Общий же ущерб, по исчислениям комиссии Госплана, оценивался в колоссальную сумму 39 млрд рублей.⁷³

Сама по себе попытка объяснить введение НЭПа только стремлением покончить с хозяйственной разрухой — абсолютно несостоятельна. По своему значению НЭП выходит далеко за рамки какого-либо конкретного проекта восстановления той или иной отрасли народного хозяйства. НЭП был планом построения социализма, сформулировавшим основные принципы экономической политики пролетарского государства в переходный период. НЭП исходил при этом из учета определенного соотношения классов, сложившегося в результате победы пролетарской революции.

Прохождение аналогичной стадии развития странами народной демократии лишний раз свидетельствует о том, что новая экономическая политика, как путь построения социализма, была результатом глубоко научного анализа закономерностей экономического и политического развития государства диктатуры пролетариата, а не какой-то временной мерой, вызванной чисто утилитарными соображениями, как об этом пишут буржуазные «исследователи».

В заключение необходимо остановиться еще на одном вопросе, связанном с освещением проблемы перехода к НЭПу в работах англо-американских историков. Хотя подавляющее большинство авторов, как мы видели, всячески искажает историческую действительность, тем не менее почти все они вынуждены признать, что переход к новой экономической политике способствовал быстрому экономическому восстановлению, социальной консолидации и росту престижа Советского государства за рубежом. Однако в расчеты некоторых, наиболее прямолинейных фальсификаторов не входит признавать что-нибудь положительное в действиях Советской власти. К таким лицам принадлежит и реакционный английский историк и публицист И. Дейчер, сделавший ряд сен-

⁷³ Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М., 1957, стр. 481.

сационных «открытий» в истории советского общества. К числу их относится и фальсификаторская легенда о том, что новая экономическая политика является изобретением Троцкого.

Ссылаясь на выступление Троцкого на X съезде партии и на отдельные выдержки из его сочинений, где последний без всякой скромности говорит о внесении им в ЦК, в феврале 1920 г., предложения, которое якобы содержало тезис о замене разверстки налогом и введении свободной торговли, Дейчер всячески раздувает эти насквозь лживые утверждения Троцкого. Ссылаясь на документы из архива Троцкого, которые, однако, не только не цитируются им, но даже и не пересказываются, Дейчер делает вывод, что новая экономическая политика неправильно приписывается В. И. Ленину, ибо истинным ее творцом и автором был якобы Троцкий.⁷⁴ Единственным доказательством служат только высказывания самого Троцкого. Такого рода «аргументация» является широко распространенным методом «исследования» истории СССР на Западе. Как правило, буржуазные историки почти не используют работы советских авторов, вышедшие в последние 20—30 лет, по причине так называемой «позднейшей советской интерпретации». Вместо этого ими широко цитируются и используются работы и выступления всех оппозиционеров, а также ряд ошибочных или тенденциозных работ двадцатых годов, вроде книги Л. Крицмана «Героический период русской революции». Основным методологическим приемом является ложное и зачастую явно фальсификаторское истолкование различных выдержек из сочинений В. И. Ленина, документов и статистических данных. Надо сказать, что в работах Дейчера эти приемы используются в наиболее облаженном виде, а сами работы являются примером наглой и прямолинейной фальсификации.

Лживый, фальсификаторский характер заявлений Дейчера, полная научная несостоятельность его доводов обнаруживаются при первом же обращении к фактам истории. Во-первых, свободная торговля была само собой разумеющейся формой отношений между городом и деревней еще до начала гражданской войны. Во-вторых, первый декрет Советской власти о натуральном налоге был издан, как уже говорилось выше, в октябре 1918 г., т. е. задолго до несуществующего предложения Троцкого, упоминаемого Дейчером. В-третьих, это предложение в феврале 1920 г. было бы вредным и ошибочным: меры «военного коммунизма», среди которых продразверстка и запрещение свободной торговли были едва ли не основными, могли быть отменены только после окончания гражданской войны. В течение же 1920 г. Советское государство вело ожесточенные бои с белополяками и врангелевским

⁷⁴ J. Deutscher. The Prophet Armed, p. 496—497.

войсками, и уступки буржуазным элементам в экономической области именно в этот период могли быть на руку только врагам Советской власти. И, наконец, в-четвертых, замена разверстки налогом и разрешение свободной торговли означали по сути дела ломку всей политики «военного коммунизма» в вопросе об отношении партии к массам, о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством. Предложение же Троцкого никак не вяжется с его позицией по вопросу о профсоюзах, ибо именно в 1920 г. и позднее, в 1921 г., Троцкий отстаивал политику «огосударствления», «перетряхивания» и «завинчивания гаек», т. е. такую политику, которая в корне противоречит всем принципам и самому духу НЭПа. Не случайно в период введения НЭПа и в ходе его осуществления никто иной как Троцкий возглавил оппозицию в партии по целому ряду вопросов экономического и политического характера. Стремление подsunуть Троцкого в качестве «инициатора» и «творца» новой экономической политики нужно «исследователям» типа Дейчера лишь для того, чтобы приписать роль Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина, фальсифицировать историю советского общества.

Оценка современной буржуазной англо-американской историографией проблемы перехода Советского государства к НЭПу представляет собой прямую попытку извратить ряд вопросов, связанных с этим важнейшим этапом в истории нашей страны. Изображение политики «военного коммунизма» в виде «истинно-марксистского» плана построения социализма, показ НЭПа как краха этих «планов» и капитуляции большевиков перед мелкобуржуазной стихией — основное направление буржуазной фальсификации событий этих лет в истории Советского государства. Открытое искажение основных вопросов социалистического и коммунистического строительства в СССР, всемерное умаление роли трудящихся масс в истории советского общества — являются главными задачами англо-американской буржуазной историографии в изучении истории советского общества.

И это не случайно. Изучение истории СССР в капиталистическом мире развивается прежде всего в направлении, которое определяют правящие круги и монополии стран Запада, в значительной мере субсидирующие эту работу. Исследование истории СССР в США является одним из участков пропагандистской идеологической борьбы с коммунизмом. Изучение современной буржуазной англо-американской историографией проблемы перехода к НЭПу лишний раз свидетельствует о тенденциозном характере исследовательской работы в области истории СССР, широко развернувшейся в послевоенный период в США и Великобритании.